

О.Б. Христофорова

«РОБЯЧЬИ МУКИ», ИЛИ КУВАДА ПО-ВЕРХОКАМСКИ

В статье рассматривается один из сюжетов мифологической традиции старообрядцев-беспоповцев Верхокамья – «насылание» на мужчин родовой боли. Анализ местных особенностей этого широко распространенного по миру родильного ритуала, названного исследователями «кувада», позволяет предложить некоторые дополнения к его научным интерпретациям.

Ключевые слова: родильная обрядность, кувада, мифология, старообрядцы

В верхокамских селах, населенных старообрядцами-беспоповцами поморского согласия¹, мне часто доводилось слышать выражение «робячьи муки», причем всегда в одном и том же контексте: «Наслать на мужика робячьи муки». «Что такое робячьи муки?» – спросила я как-то одну соборную старушку. «Вот роди, тогда узнаешь», – засмеялась она (1). Однако, судя по всему, не только женщины, но и многие мужчины в Верхокамье на себе испытали, что такое «робячьи муки».

Кувада, обычай имитации мужчиной женской родовой боли, существующий у многих народов мира, давно привлек внимание исследователей². Среди множества его интерпретаций преобладала гипотеза И.Я. Бахофена: имитация будущим отцом мук рожавшей женщины призвана подтвердить его права на ребенка. Эта эволюционистская интерпретация кувады как обряда, возникшего на заре эпохи патриархата, за последние полтора столетия изменилась незначительно – к функции подтверждения отцовства, по-прежнему признаваемой исследователями, добавилось рассмотрение кувады как обряда повышения статуса – превращения мужчины в отца³. Однако верхокамские материалы демонстрируют иную функциональную направленность этого обычая.

В Верхокамье до сих пор сохраняется если не сам обычай «насылать на мужиков робячьи муки», то, во множестве, рассказы о нем. Судя по ним, мужчины часто становятся жертвой женского коварства и жестоко страдают, в то время как женщины безболезненно разрешаются от бремени. Считается, что женщине для этого достаточно надеть на мужчину свой пояс с неким приговором:

Соб.: А еще нам говорили, что есть обычай, когда на мужиков насылают робячьи муки.

Ну, это бывает, говорят.

Соб.: А как это?

Вот какие-то там слова знают оне и одевают с себя пояс, пояс снимают, и с этой молитвой, с этими словами надевают на мужа. Муж мучится, а жена ничё. Вот это я слыхала тожо, я так нет... Чё там делать, какие слова... Это чернокнижники, наверно, такие бывают... Есть ведь которы грамотные, все делают. (2)

Соб.: Говорят, на мужчин насылают ребячьи муки, не слышали?

Это тоже слыхала. А вот старый вот был учитель у нас, у его подруга была. Она когда забеременела, ему в опушку вшила поясок с какой-то молитвой, не знаю, с какой. Вот подруга замаялась – ребенка она рожала – а он стал кататься по полу-то: «Ой, рожу скоро, ой, рожу, ой-ой!». Сколько-то она мучилась, родила – и он встал как ни в чем ни бывало. В опушку куда-то, в штаны, вшила какой-то поясок с молитвой, а он не догадался. А потом он осознал: «Чё это я хворал это место, ты ребенка рожала, в ту пору же я хворал! Ты ведь мне это сделала!». Вот это я слыхала. (3)

Вот, у одной, я слыхала, это вовсе еще... она старуха уж была тогда, когда я молоденькой была... Она, говорит, какой-то пояс носила, пока забеременела, забеременела, да? Видимо, пояс носила, а потом, когда у ней начались уже эти, схватки, она надела на мужика. Он, говорит, крутится-вертится, это, как женщина, ну, а она, говорит, спокойно рожает. (*Смеется.*) Не знаю, сколько правда – не знаю.

Соб.: Ну, надо же. На мужа на своего надела?

Да! (*Смеется.*) А я чё – не от мужа же родила... Семь человек. А не носили, пояса-те, не носили еще тогда. Ну, вот, просто такой... а чё, его ведь надо как забеременеет, тогда и одеть, и до самого конца. А мы чё, хоть надевам, дак мы временно, раньше-то <...>

Соб.: А что с ним, мучило его как?

Такие же схватки, как у женщины! Вот как, ну, ребенка родить. Такие же схватки были. Тоё, и другое, и тре... Как родила – всё, ниче не стало. (4)

Приведенные сообщения кажутся неполными, неконкретными. Информанты подчеркивают свое незнание с упомянутыми магическими практиками: «вшила какой-то поясок»; «с какой-то молитвой, не знаю, с какой». Думается, это не только результат того, что сам обычай ушел в прошлое и о нем остались лишь скудные воспоминания, но и следствие нежелания информантов создать о себе впечатление «знатных», так как в строгой религиозной среде беспоповцев обладание каким бы то ни было магическим знанием расценивается как великий грех. Ср.:

Соб.: А вот вы столько детей... у вас. Наверно, вы знаете такой обычай, может быть, рассказывали – насылают на мужиков ребячьи муки?

Не бывало, не делала этого, у меня!

Соб.: Ну, может быть слышали?

Слышать – я слыхала, но не интересовалась этим делом. Не интересовалась.

Соб.: Как это вообще делают, что...

А вот не знаю. Не знаю. Сейчас не знаю.

Соб.: Такие истории случались?

Нет, не случались у меня <...>

Соб.: А надо слова какие-то знать?

Бог его знат, не знаю! Вот я век прожила и не знала это дело. Слыхать-слыхала, а вот знать – не знала. Сама это дело не делала. (4)

Соб.: А мы слышали, тут такой обычай есть – насылают на мужиков робячьи муки.

Ой, не знаю, не знаю. Да, это я где-то слыхала, такое дело, что бабы, мол, как-то напускают муки или как, не знаю. Ничё не знаю. Я говорю, как-то этим не занималась, у меня не было... У меня времени не хватало всё. (5)

Соб.: А вот говорили, есть такой обычай – насылают ребячьи муки. Это что?

Не знаю я.

Соб.: Это считается нехорошо?

Не знаю. Тут кто-то делал – не делал...

Соб.: А, может, слышали?

А слышала, это есть.

Соб.: А как это делается?

А не знаю я.

Соб.: Это грех, наверно, так делать?

Так наверно тожо. (6)

Способ насылания «робячьих мук» остается не до конца ясным, столь же неясно, судя по материалам и других исследователей, в чем мужские страдания во время ритуалов типа «кувада», собственно, состоят. Описывая этот курьезный обычай, ученые прежде всего пытались выявить его социальное значение, акцентируя внимание на имитации мужчиной женского ролевого поведения и мало интересуясь физиологической стороной дела (возможно, расценивая рассказы о мужских страданиях как суеверие, не имеющее под собой реальной почвы, но, также может быть, и за недостатком материала – уже в начале XX в. И.Я. Неклепаев писал, что «в прежнее время... жены переводили болезнь при родах на мужей, то есть в то время, когда жене приходила пора родить, у мужа заболела спина и живот и он начинал испытывать все муки роженицы, а жена ходила как ни в чем не бывало... Но с какого времени и почему женщины утратили этот секрет переводить свою болезнь при родах на мужей, – сургутяне не объясняют»⁴.

В конце XIX – начале XX в. многие исследователи отмечали народную веру в возможность магической передачи мук роженицы ее мужу (ею самой, повитухой или же колдуном), но ни о способах такой передачи, ни о характере страданий мужчины

речь, за редким исключением, не заходила. К уже приведенному сургутскому добавим смоленский пример: «В сельце Подборье Хмарской волости Ельнинского уезда был подобный случай. По просьбе жены крестьянина Ивана Горбачева был сделан бабкою поддел ее мужу: во время родов своей жены Иван Горбачев... стонал “не в голову” вследствие поддела... жена его не страдала, а у него сильно болела “середина” и живот»⁵.

Есть лишь единичные упоминания о точном характере боли, причем во всех этих случаях ее сознательно причиняет повитуха либо сама роженица. Так, по данным Добровольского, в Смоленской губернии «во время родов он (муж. – *О.Х.*) помещался на полатах, вообще на каком-нибудь высоком месте, и был привязываем за нежное место; нитка проводилась от него <...> к ложу родильницы. Когда стонала родильница, бабка, сидевшая подле родильницы, подергивала нитку, что вызывало невольные стоны у мужчины»⁶. Похожий обычай обнаружен в Полесье: «Повитуха привязывает нитку к члену мужа <...> и дает другой конец роженице: при каждой схватке та дергает за нитку, и по этому импровизированному телеграфу боль передается супругу»⁷.

В других случаях, когда речь не идет о техниках, подобных только что описанным, о характере мужских страданий остается лишь догадываться. Некоторый свет на этот вопрос проливает следующая история. В 2000 г. в Верхокамье мы встретились с человеком, которому, по его словам, довелось на себе испытать, что такое «ребячи муки».

Соб.: А не знаете, такой обычай есть – насылают на мужиков, говорят, ребячи муки.

Какие?

Соб.: Ребячи муки. Слышали такое?

Да, есть! Это бывает!

Соб.: А что это?

(Посмеивается.) Это бывает. Я сам попал. Да. Ишол из Верещагина, в Шобурах у нас квартира, отец заезжал туды, чё, и я, мол, зайду. У их дочь стала рожать. А меня пустили на полати: «Ложись на полати спать». Переночевать мне... Шобуры – 20 километров пройти, отойдешь от Верещагино, а оттуда еще 25, в середине дороги. А я вечером вышел, сколько шел, шел, и лег спать, устал. Ну и вот, чё-то получилось со мной, и всё. Чё-то я лежал-лежал, чё, живот заболел, всё... рассказывать не могу *(смеется)*, во... И пока не родила, я всё бегал! Родила робёнка – всё, меня отпустило. Я утром встал – 6 часов токо... Дай Бог... рассчитался, и бежать.

Соб.: Это родственники Ваши были?

Нет. Не, просто заезжали. Вот тут лошади, на конях йиздили да, покормить лошадь да чё дак... Знакомые, в общем-то. Вот я тожо бувал с ём-то *(с отцом)* у него в доме, зашел... Там ведь, те деревни, туды

вот пойдешь, ближе к Верещагино, не кажнй пустит ночевать. Там попросишься – походишь, прой-
дешь всю деревню и не найдешь, кто бы пустил ночевать.

Соб.: А на Вас никакой поясок не надевали там, на полатах?

Бог его знат, я не видел! Я уснул дак. Уснул с дороги, дак чё, я скоруший, ишо молодой был дак. Меня как раз в военкомат вызывали, призыв. Вот где-то мне 17-18. Вот я туды ушел да обратно пошел, пере-
считать 50 километров надо. А 70 километров оттопал, вот и лег отдохнуть (*смеется*). Сразу уснул, и
всё. (*Смеется*.) Ага, отдохнул! Лег отдохнуть... Лег, да где-то... сначала-то я часа два, наверно, отдох-
нул, действительно... Бывает это, бывает это, делают всё. Раньше были здесь такие люди, но их нету счас,
счас нету их, нету. Мало <...> Молитвы есть. Молитвы ведь надо знать! Молитвы, всё. (7)

История, приключившаяся с ныне покойным К.Л. Ильиных (к слову, имевшим
в округе устойчивую репутацию колдуна), допускает два возможных толкования – во-
первых, вера в возможность магической передачи мужчине родовых болей настолько
велика, что не позволяет герою усомниться в наличии связи между присутствием ро-
женицы и собственным расстройством желудка, во-вторых, не исключено, что хозяйева
действительно могли чем-то напоить-накормить путника, чтобы вызвать у него болез-
ненную диарею для облегчения родов дочери – в соответствии с тем же поверьем⁸.

Трудно сказать, насколько данная интерпретация «робячьих мук» уникальна.
Возможно, об этом же говорится в следующем примере: «Говорили, что Анна Васи-
льевна его напустила бабью муку. Вот как есть рожат. Муки! Уже вот-вот ему как ро-
жать. Воды у его идёт и все. Как рожать»⁹.

В рассказе К.Л. Ильиных любопытно то, что объектом ритуала кувады оказыва-
ется не муж роженицы и не отец ее будущего ребенка. Возможно, это связано с осо-
бенностями брачно-семейных отношений в Верхокамье. Старообрядцы-поморцы от-
носятся к «брачникам» – то есть они признают брак (традиционно он совершался по
благословию родителей), однако в действительности ценность этого института невелика
по сравнению с конфессиями, где брак считается таинством и освящается религи-
озными структурами. У мужчин часто бывали «подруги», иногда эти отношения были
долговременными. Так, одна из наших информанток, никогда не бывшая замужем,
смеясь, говорила о своих детях: «У меня семеро одного калибра!» – имея в виду, что у
них один отец (4).

Деторождение вне брака не считалось большим грехом. Младшей дочери роди-
тели могли сказать: «Детей носи, а взамуж не ходи», чтобы дочь оставалась с ними и
помогала им в старости. Так, только что упомянутая информантка была последним ре-
бенком своих родителей, мать родила ее в 52 года. В такой ситуации мужчина иногда

поселялся в доме тестя (про женщину тогда говорили: «Взамуж не ходила, примака брала»), но так случалось не часто – пойти в «примаки» соглашался лишь очень бедный человек, не имеющий своего дома и хозяйства, а таких неохотно брали в мужья. По рассказам, успех сватовства в таких случаях обеспечивало лишь присутствие «знаткого», «привораживавшего» девушку к жениху-бедняку (8). Возможно, именно этой причиной – рожавшая женщина не состояла в браке – и объясняется, почему от «робячьих мук» пострадал К.Л. Ильиных, совершенно посторонний хозяевам молодой парень. Справедливость этого предположения доказывается упоминанием рассказчика о том, что роженица приходилась дочерью хозяевам – при местном патрилокальном браке замужняя женщина рожала бы, конечно, в доме свекров.

При данных особенностях брачно-семейных отношений функция подтверждения отцовства должна, казалось бы, выйти на первый план, но, судя по некоторым текстам, она не актуализована, что заставляет отчасти усомниться в устоявшейся интерпретации феномена кувады, где эта функция считается главной. Следует признать, что «внутренняя», «народная» интерпретация этого обычая – символическая передача родовой боли от женщины к мужчине [Баранов 2004: 139] (мы бы сказали, ее гендерное перераспределение) – не только наивное прочтение серьезной социальной практики, но и вполне самостоятельная задача, пережившая как гипотетическую смену материнского рода отцовским, так и научные концепции, признававшие эту аналитическую модель.

Список информантов

1. Мария Абрамовна Силукова, 1912 г.р., с. Кулига Кезского р-на Удмуртии. В-2005 № А4.2.¹⁰
2. Татьяна Климентьевна Варанкина, 1932 г.р., д. Сидорёнки Кезского р-на Удмуртии. В-2000и № 12.3, зап. Е. Литвяк, О. Христофорова.
3. Ирина Кирилловна Габова, 1926 г.р., с. Сепыч Верещагинского р-на Пермской обл. В-1999 № 3.4, зап. И.Куликова, Л. Филимонов, О. Христофорова.
4. Фотинья Прокопьевна Сабурова, 1926 г.р., д. Абрамёнки Кезского р-на Удмуртии. В-2000и № 13.1, зап. И. Бойко, О. Христофорова.
5. Анна Александровна Пепеляева, 1927 г.р., с. Сепыч. В-2000и № 6.2.
6. Прасковья Максимовна Мальцева, 1921 г.р., с. Сепыч. В-2000и № 6.3.
7. Климентий Леонтьевич Ильиных, 1923 г.р., д. Артошичи Верещагинского р-на Пермской обл. В-2000и № 9.1, зап. И. Бойко, О. Христофорова, Е. Ягодкина.

8. Мария Абрамовна Гавшина, 1932 г.р. с. Кулига. В-2004 № А4.2.

Примечания

¹ Верхокамье – историческая область близ истока Камы на юго-западе Пермской области и северо-востоке Удмуртии площадью около 60 км². Ныне это территория Верещагинского и Сивинского районов Пермской области и Кезского района Удмуртии. С конца XVII в. в результате раскола сюда мигрировали значительные группы населения из центральных и северных губерний России. Во второй трети XVIII в. на этой территории установилось влияние Выговского старообрядческого монастыря, в результате чего Верхокамье стало оплотом поморского направления беспоповства. Географическая и культурная изоляция, ориентация на «старину» способствовали сохранению архаичных черт в языке и культуре. Топоним «Верхокамье» применяли к этой территории сами ее жители еще в первой половине XVIII в. В качестве объекта комплексного научного изучения (археографического, лингвистического, этнографического, фольклористического, музыкологического) Верхокамье существует с начала 1970-х гг., после «открытия» этой территории московскими археографами (см.: Поздеева И.В. Комплексные археографические экспедиции. Цели, методика, принципы организации // Вопросы истории. 1978. № 2; Она же. Книга-личность-община – инструменты воспроизводства традиционной культуры (30 лет изучения старообрядческих общин Верхокамья) // Старообрядческий мир Волго-Камья: проблемы комплексного изучения. Материалы научной конференции. Пермь, 2001; Смелянская Е. Б. Микрокосм верхокамского старообрядца на исходе XX в. // Старообрядческая культура Севера. М.; Каргополь, 1998).

² См.: *Vachofen J.* Das Mutterrecht. Stuttgart, 1861; *Леббок Дж.* Начало цивилизации. СПб., 1876; *Tylor E.B.* Researches into the Early History of Mankind. London, 1878; *Максимов А.Н.* Несколько слов о куваде // Максимов А.Н. Избранные труды. М., 1997 (1900).

³ Подробный обзор этнографических фактов и их интерпретаций см. в недавней статье, посвященной этому сюжету: *Баранов Д.А.* Мужские «роды» (этнографический факт и его интерпретации) // Мужской сборник. Вып. 2. «Мужское» в традиционном и современном обществе. М., 2004. С. 137-140.

⁴ *Неклепаев И.Я.* Поверья и обычаи Сургутского края // Записки Западно-Сибирского отдела ИРГО. 1903. Кн. 30. С. 81.

⁵ *Добровольский В.Н.* Смоленский этнографический сборник. Ч. 2. СПб., 1894. С. 371.

⁶ Там же. С. 370

⁷ *Кабакова Г.И.* Антропология женского тела в славянской традиции. М., 2001. С. 67. Мы не рассматриваем здесь обычай «мучить» отца новорожденного на крестинах, когда во время застолья ему предлагали отведать пересоленной/горькой каши, чтобы он почувствовал, «как солоно пришлось его жене», см.: *Баранов Д.А.* Указ. соч. С. 138.

⁸ Ср.: «А потом на него наложил, по-русски сказать, дрисню (понос)» (Традиционная культура Урала. Этноидеографический словарь русских говоров Свердловской области. Вып. 5. Магия и знахарство. Народная мифология / Сост. О.В. Востриков. Екатеринбург, 2000. С. 51).

⁹ Там же. С. 89. Заметим, что собственно родовая деятельность вначале может восприниматься как сильная потребность в дефекации – здесь налицо та же связь, что и в случае мужских страданий, только обратная. Отметим, что в психиатрии описан так называемый синдром «кувада» – совокупность психогенных и психосоматических нарушений, поражающих мужчин, имеющих беременных жен (*Марилов В.В.* Общая психопатология. М., 2002. С. 116). Среди симптомов этой «необычной патологии», в полном варианте наблюдающейся примерно у каждого девятого будущего отца, выделяются абдоминальные расстройства (диарея, кишечные колики) – ими страдают даже до 40 % мужчин (*Trethowan W.H., Conlon M.A.* The Couvade syndrome // *British Journal of Psychiatry.* 1965. № 111), при этом не обязательно мужа, но и отцы или другие родственники. Как показывает анализ конкретных ситуаций, мужские «роды» нередко протекают тяжелее, чем действительные роды их жен (*Марилов В.В.* Указ. соч. С. 120).

¹⁰ Полевые материалы хранятся в архиве автора статьи. Если собиратель не указан, материал записан лично автором. Сокращения в ссылках на фонограмму означают: В – Верхокамье, 2000и – июль 2000 г., 2000м – май 2000 г. Буквы в номере фонограммы: А – аудиозапись, В – видеозапись.